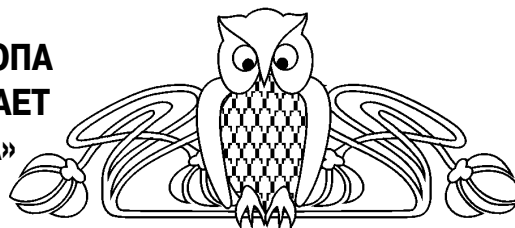

УДК 821.161.1.09-31:323.1+929[Ганиева+Яхина]

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХРОНОТОПА В РОМАНАХ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА» И А. ГАНИЕВОЙ «ЖЕНИХ И НЕВЕСТА»

Э. Ф. Тугушева

Тугушева Эльмира Феясовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, elmiratugusheva@gmail.com

В статье рассматривается своеобразие хронотопа романов Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и А. Ганиевой «Жених и невеста», исследуются репрезентация исторических и фиксация современных реалий в их этнической специфике, трансформация национального самосознания в личное, способы выражения авторской национальной идентичности.

Ключевые слова: А. Ганиева, Г. Яхина, хронотоп, этнокультурные реалии, национальная идентичность, самосознание.

**Ethnocultural Peculiarity of Chronotopos in the Novels
by G. Yakhina *Zuleikha Opens Her Eyes* and by A. Ganieva
*Bride and Groom***

E. F. Tugusheva

Elmira F. Tugusheva, ORCID 0000-0002-4181-521X, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radishchev Str., Saratov, Russia, 410003, elmiratugusheva@gmail.com

The article shows the peculiarity of chronotopos in the novels by G. Yakhina *Zuleikha Opens Her Eyes* and by A. Ganieva *Bride and Groom*. The author studies the historic realia being represented and the modern ones being fixed in their unique ethnic context, national self-identification being transformed to personal, as well as the ways of expressing author's national identity.

Key words: A. Ganieva, G. Yakhina, chronotopos, ethnic and cultural realia, national identity, self-identification.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-351-355

По итогам различных литературных курсов, проводимых в последнее десятилетие, можно судить, что в развитии новейшей отечественной литературы наметились два пути: одних писателей интересует человек в большой истории (З. Прилепин, А. Иванов, Л. Юзефович, С. Кузнецов, Л. Улицкая), других волнует человек в современности (А. Понизовский, М. Кучерская, М. Степнова, Е. Чижова, А. Рубанов, Д. Гуцко, А. Снегирев, Р. Сенчин). Некоторые писатели в своих текстах стремятся в реальном пространстве России уловить связь времен, пройти сквозь время (Е. Водолазкин, С. Афлатуни (Е. Абдулаев), А. Терехов, А. Слаповский). Можно сказать, что на рубеже XX–XXI вв. одни писатели по-своему осмысливают духовно-эстетический и художествен-

ный опыт литературы предшествующего столетия, другие в шуме дня, как бы в режиме реального времени ведут запись этой жизни, фиксируют реалии, слишком говорящие, сложные и дискуссионные, сразу не поддающиеся рефлексии. Время и пространство в художественных текстах часто имеют кинематографические свойства, хронотоп произведений насыщен политическими, культурными, этнографическими реалиями, приближен к документалистике. Но, по сути, реалией служит и само слово. Как полагает Ю. Щербинина¹, вопросы взаимодействия литературного произведения и языковой реальности могут быть заданы на разных уровнях: 1) на уровне технологии художественного письма, когда требуется идентификация стиля, понимание того, как в литературном тексте осуществляется «рефлексия повседневного языкового существования» (З. Прилепин, Д. Гуцко, Р. Сенчин, А. Рубанов, А. Иванов); 2) на идеологическом уровне, когда необходимо прочтение культурных кодов, их интерпретация (В. Пелевин, А. Слаповский, А. Мелихов, М. Елизаров); 3) на философском уровне, предполагающем переход от частных размышлений о языке и речи к глобальной «интерпретации современной речевой действительности» (Д. Быков, А. Иличевский, А. Рясков).

Разноуровневость, полифоничность современного литературного процесса, отсутствие единого метода вполне объяснимы. Так, М. А. Черняк отмечает: «Новой чертой современной культуры является ее прогрессирующий космополитический характер, связанный с процессами глобализации, стирание национальных различий и, как следствие, – единообразие мотивов, сюжетов, приемов»². И все же писатели ведут диалог с российской действительностью, предлагают читателю заново проверить, насколько честен человек с самим собой. Если эстетическую доминанту новейшей литературы выявить действительно непросто, то определить характер реалий, так называемого материала жизни, к которому обращается писатель, вполне возможно, тем более что диалог писателя с жизнью во многом обусловлен реалиями, одни из которых, например политические, являются общими для всех, другие – этнические, фольклорные, бытовые – осознаются в межкультурном контексте. Интерес к литературе как к «самому правдивому зеркалу речевой действительности» (Ю. Щербинина) усиливается, если писатель другой национальности, пишущий на русском языке, способен к кодовому переключению на

родной язык и обратно – переводить (прежде всего смыслы и образы) с родного языка на русский.

Описание инокультурной среды России не только является художественным приемом создания колоритных образов, но и показывает своеобразную черту таких авторов, которую Ч. Гусейнов определил как «русскость нерусских»³ (Г. Айги, Ч. Айтматов, В. Быков, Р. Валеев, Т. Зулфикаров, Ф. Искандер, Т. Кибиров, Г. Мативосян, О. Сулейменов, Т. Пулатов, Ю. Рытхэу, А. Эбаноидзе). Как представляется, несмотря на современные общественно-политические и культурные процессы, а также в силу малоизученности этого пласта литературы современный читатель все же испытывает интерес к текстам, насыщенным реалиями другой культуры, в которых можно наблюдать столкновение личного и национального самосознания, поиски национальной идентичности или, напротив, космополитические настроения. Одно читателя привлекают экзотические описания времени и места, другого – попытка культурной и национальной самоидентификации. Предстоит ответить на вопрос, насколько в новейшей отечественной литературе репрезентация исторических и фиксация современных реалий в их национальной специфике являются способами выражения авторской национальной идентичности. Как представляется, исследование этнокультурной специфики хронотопа, особой связи внутри- и внетекстового времени и пространства, может дать некоторые ответы. Поскольку, с одной стороны, хронотоп представляет собой образную, эстетически значимую структуру произведения, с другой стороны, хронотоп концентрирует в себе высокую степень авторского самосознания, в том числе национального самосознания. Разные способы выражения хронотопа обуславливают и различные аспекты рассмотрения национальной специфики образов. Например, обращение писателя к историческому прошлому, к фактическому материалу, к художественному опыту писателей-предшественников, к фактам языкового опыта другого поколения актуализирует в хронотопе культурную память. А погружение в настоящее время, попытка зафиксировать культурный и экзистенциальный опыт своего поколения, ориентация на «живое» слово создают такой хронотоп, при котором «становится возможной бесконечно открытая позиция писателя по отношению к реальности»⁴. В сближениях и отталкиваниях этих подходов интересно рассмотреть романы Г. Яхиной и А. Ганиевой, вышедшие в 2015 г. в финал премии «Русский букер».

Два нерусских имени в списках престижных премий вселили в читателей надежду на продолжение традиции двукультурной литературы советской эпохи. Так, Л. Улицкая вписывает роман Г. Яхиной в круг произведений, созданных писателями других национальностей: «Традиции этой школы – глубокое знание национального материала, любовь к своему народу, исполненное до-

стоинства и уважения отношение к людям других национальностей, деликатное прикосновение к фольклору»⁵. О двукультурности А. Ганиевой высказывались многие критики⁶. Например, С. Беляков отметил: «Алиса Ганиева – человек на границе культур. Она живет в Москве, но сохраняет связи с родным Дагестаном, читает классиков западной литературы и знает стихи дагестанских поэтов. Своей ее считают и аварцы, и русские, ее книги обсуждают исламисты и либералы. Такая судьба открывает перед ней блестящие перспективы»⁷.

Если А. Ганиева до финала «Русского букера» в 2015 г. была известна как писатель («Салам тебе, Далгат!», «Праздничная гора») и литературный критик («Полет археоптерикса»), то Г. Яхину читатели могли знать только по двум рассказам – «Мотылек» («Нева», 2014) и «Винтовка» («Октябрь», 2015). Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» стал литературным событием 2015 г., быстро завоевал читательские симпатии. Г. Яхина стала лауреатом премий «Ясная Поляна», «Книга года», «Звездный билет», финалистом премий «Русский букер», «Большая книга», «НОС». Несмотря на то что вхождение в литературный процесс у А. Ганиевой и Г. Яхиной идет по-разному, следует отметить, что произведения обеих писательниц в равной степени интересны не только для литературной критики, но и для театра и кино, которые быстрее и живее откликаются на духовно-эстетические запросы современности.

Рефлективное «прочтение» жизни становится средством самоидентификации пишущего, диагностики самой современности. Так, А. Г. Битов, говоря о своем романе «Оглашенные», признавался: «Схватить время и выразить его – это подвиг. Иногда скромный, но всегда подвиг. Это удел молодых»⁸. Однако возникает вопрос, насколько молодые авторы претендуют на полную оценку современной действительности. Об этом, например, говорит в одном из своих интервью З. Прилепин: «Литература боится соприкасаться с современностью. Современность хочется либо пародировать, как Пелевин, либо проклинать, как Проханов. Разглядывать её неприятно»⁹. Трудности в передаче современных реалий возникают и с точки зрения технологии творческого письма. А. Ганиева отмечает, что не всегда удается передать «живой диалог» персонажей, часто приходится преодолевать зону писательского комфорта, при этом «важно не гасить внутреннего критика и редактора и постоянно ставить себе новые страшные, но захватывающие задачи»¹⁰.

Современная художественная проза кинематографична. Писатель становится очевидцем эпохи. Неслучайно некоторым писателям интересен перевод их текстов на язык кинематографа или театра. Такое кодовое переключение связано с тем, что средствами классического романа почти невозможно отразить сиюминутность, фрагментарность современной жизни, для осмысления настоящего автору романа требуется время.

А. Ганиева после прочтения произведений, допущенных к конкурсу на получение литературной премии «Русский буккер» в 2016 г., сделала еще одно важное наблюдение: «...происхождение современности для нынешнего романиста интереснее самой современности»¹¹. Эта литературная тенденция, по мнению писательницы, во многом отражает состояние современного общества, «которое обернулось вспять и ищет образцы и модели существования и самопрезентации – в отработанных копиях прошлого». Такая литература, продолжает А. Ганиева, не замечает настоящего, а нарочитое обращение к памяти «говорит о нежелании, страхе, а иногда и неумении окунуться в то, что происходит за окном, в нашем собственном трагикомическом времени»¹². Сама А. Ганиева в романе «Жених и невеста» сюжет во многом выстраивает через столкновение обыденного (инертного, а значит, лживого) с искренними проявлениями героев, нашедшими друг в друге некую правду, которая трагическим образом не дает им воссоединиться в реальности, но в равной степени эта правда не позволяет им согласиться и с лживостью окружения. Причем неправдоподобностью отличается не только жизнь родного поселка, московская жизнь тоже не кружит голову Пати и Марату. В семье Пати каждый живет своими измерениями. Мать, возмнившая себя представительницей знатного рода, отец, неуверенный в себе добродушный человек, тайно ждущий признания. Описанию бабушки уделено больше внимания: «Никто не находил ее древней старухой, но мир, в котором она витала, абсолютно не вязался с нашим. В том мире люди все еще жили в высокогорных замках с плоскими крышами, делили поля и сенокосы строго по вековым правилам, отправляли молодежь к побежденным соседям попировать за их счет, требовали после случившихся убийств очистительной присяги от сорока человек, взыскивали штрафы зерновыми мерками, медными котлами, быками и овцами. Воспоминания эти ускользали в какую-то совершенную глубь веков, и совсем не верилось, что она успела застать ту странную жизнь самолично»¹³.

Любопытно, что, как и у Г. Яхиной (образ Упырихи, образ реальной бабушки самой писательницы), так и у А. Ганиевой на границе миров представлен образ старой женщины, вбирающий в себя память рода. Этнокультурное своеобразие хронотопа в обоих романах передано во многом через образы бабушек. Но героиня А. Ганиевой, слушая рассказы своей бабушки о свадебных традициях, уже не может поверить в их необходимость: «Вдруг подумалось, каково бы мне было оказаться в том утраченном времени. Я бы ни с чем не справилась: на мешке бы не высидела, воду в кувшине не донесла бы...»¹⁴. Связывает ли А. Ганиева «утраченное время», о котором говорит ее героиня, с утраченной национальной идентичностью – вопрос не простой. У столь не-

похожих романов Г. Яхиной и А. Ганиевой есть, на наш взгляд, общая линия: это не только, как пишет К. К. Султанов в связи с повестью «Салам тебе, Далгат!», «сюжет возможной утраты национальной аутентичности»¹⁵, общее видится и в трансформации национального самосознания в личное, обе писательницы сталкивают своих героинь с любовью, свободой и одновременно несвободой – с тем, без чего не возможна ни личностная, ни национальная самоидентификация.

Мистический финал романа «Жених и невеста» вызывает много вопросов. Кажется, что автор погружает роман в течение суфийской мистики, словно не находя рационального объяснения тому, почему не состоялась свадьба. Подчеркнутая адекватность главных героев, несостоявшихся жениха и невесты, противопоставляется произволу амбиций, цельность любви – противоречивости современного общества. Возникает аллюзия на традиционный суфийский сюжет о невозможности земной любви для познавших истину, если бы не реалии современного Дагестана, которые А. Ганиева, как и Г. Яхина, передает прежде всего через описание быта своего народа. Но А. Ганиева делает акцент на противоречивости быта, по сути, ярмарки тщеславия, поэтому этнокультурные реалии не поэтизируются. На их фоне главная матримонимальная интрига романа сворачивается в мистическую точку – некое знание, которое приходит через загадочного Халилбека – то ли разбойника, то ли гуру, явившегося на границе миров. Халилбек – сквозной персонаж А. Ганиевой. В повести «Салам тебе, Далгат!» он также представлен как мистический, знаковый образ некой смутной истины, обеспечивающей открытый финал повести. В романе «Жених и невеста» А. Ганиева неслучайно снова сталкивает своего героя с этим персонажем. Реалистичные образы жениха и невесты расплываются, читатель остается в наивном недоумении: чем закончится жестокий допрос Марата, обвиненного в день свадьбы в терроризме, кто же на самом деле этот таинственный Халилбек, в чем смысл его (а может, и самого автора) мистических наставлений: «– Ты привязан, я привязан, все к чему-то привязаны, – продолжал Халилбек, откидываясь назад на стул и откупоривая бутылку. – Главное – от всего отвязаться. И еще, если смотреть на солнце, потом на себя самого, сам станешь солнцем...»¹⁶. Образ солнца – некой «одной точки», в которой «все заключено», – связан у А. Ганиевой с иррациональным постижением жизни, а точнее, с иррациональной свободой, которая пьянит так, что выдает порой разбойника за праведника наоборот. Роман «Жених и невеста» может быть прочитан как опыт вечных тем – любви, самопознания, внутренней свободы – на фоне новых реалий, но по-прежнему отсылающих к несовершенству человеческой природы.

Если в романе «Жених и невеста» в итоге звучит вопрос об иррациональности свободы, то

в романе Г. Яхиной абсурдности жизни противопоставлена иррациональность любви. Долгожданное счастье материнства (Зулейха узнает о своей беременности уже в ссылке) дается героине на границе жизни и смерти. Необъяснимо, как возможно полюбить врага и убийцу своего мужа. В другой жизни Зулейхи от прежнего замкнутого мира татарской деревни ничего не остается (лишь предупреждающие о трагедии видения, в которых является Упыриха). Границы и реалии этого мира растворяются в лагерном хронотопе. Зулейху в лагере страшит не заброшенность и отверженность, напротив, она, по-своему наивно уповая на то, что взор Всевышнего не достигнет таких отдаленных мест, а значит, она будет иметь право на материнское счастье и покой. Религиозные чувства героини противоречивы, но всё же необходимы ей: «Молиться стала реже и быстрее, словно между делом. Страшно признаться, но в голове поселилась грешная, чудовищная по сути мысль: вдруг Всевышний так занят другими делами, что забыл про них – про три десятка голодных, оборванных людей в глуши сибирских урманов? <...> Совсем не молиться она не могла (страшно!), но старалась проговаривать молитвы тихо, шептать, а то и вовсе бормотать про себя – не привлекать высочайшего внимания»¹⁷. Легенда о птице Симург, которую Зулейха рассказывает сыну, по сути, о связи всех, кто обнаружил в себе божественное начало. Так, милость и милосердие отблеском присутствуют в спутниках героини, измученных, но стойко преодолевающих ссылку людей, в их непомерном труде, который становится продолжением молитв. Надо сказать, что образы этих и других персонажей узнаваемы – сказывается кинематографичный стиль писательницы. Красные командиры, подлый Горелов, петербургские интеллигенты со своей особой жизнестойкостью, крестьяне, жадно и низко потворствующие советской власти, их образы понятны. В романе чувствуется обращение Г. Яхиной к художественному опыту писателей-предшественников, писавших о раскулачивании и трудовых лагерях.

Один хронотоп переходит в другой, как меняющийся кадр. Так, первая часть романа заканчивается сильным образом, в котором смещаются эпохи: «С вершины холма раскинувшаяся внизу равнина кажется гигантской белой скатертью, по которой рука Всевышнего разметала бисер деревьев и ленты дорог. Караван с раскулаченными тонкой шелковой нитью тянется за горизонт, над которым торжественно восходит алое солнце»¹⁸. Красноармейцы в романе называются красноордынцами, а раскулачивание ассоциируется с древними варварскими набегами. Образы кочевников переносятся на красноармейцев, казалось бы, неоправданно, но именно это определяет внеисторический, во многом символический контекст: судьба изгнанных из родной земли не только историческая трагедия одного поколения, но и трагедия, которая связывает общей

болью многие поколения, прошлые и будущие. В перевернутом мире, где насилие становится проявлением власти, национальная идентичность не проявляет себя, в целом культурная память вытесняется в сферу личного самосознания, на первом плане – инстинкт выживания, внутренние силы и даже сверхсилы, поскольку само изгнание для ссыльных на пределе всех человеческих возможностей.

По мере того, как одна картина сменяет другую: татарская деревня, дом Зулейхи, квартира профессора Лейбе, ставшая коммуналкой, пересыльная казанская тюрьма 1930-х гг., страшный поезд, в котором переселенцы шесть месяцев едут между жизнью и смертью, и само поселение на берегу Ангары, – утрачивается внешняя национальная атрибутика, специфический идиолект, основанный на передаче этнических реалий. Эта утрата обусловлена художественными задачами романа. Г. Яхину, как и ее героиню, и вовсе подозревают в искусственной причастности к национальным традициям. Так, М. Хабутдинова в своей рецензии делает вывод, что передача этнокультурных реалий в романе не соответствует фактам в полной мере. С ней спорит К. К. Султанов: «Но ведь возможен и такой нарратив, который позиционирует себя как форма удержания определенных смыслов: формат памяти не обязательно должен быть непременно архивным»¹⁹. Этноцентристские доводы М. Хабутдиновой: «Волна невежества накрывает татарскую национальную культуру...»²⁰ – приведены все же с позиций коллективной идентичности, довольно абстрактно представленной в современном мире. Г. Яхина не стремится выразить такие абстрактные величины, она погружает читателя в историю реальной частной жизни своей бабушки, и читатель, чувствующий свою принадлежность к татарской культуре, волен увидеть в этой истории нечто похожее на то, что было и в его семье, уловить сходство образов, реалий.

В романе Г. Яхиной внутреннее развитие героев совпадает с движением хронотопа. Постаревшие Зулейха и Иван остаются наедине с пережитой болью. Последняя строка романа словно размыкает круг лагерной жизни: «...она почувствует, что заполнившая мир боль не ушла, но дала ей вдохнуть»²¹. Глоток внутренней свободы обеспечен страшным жизненным опытом. У А. Ганиевой герои статичны, самодостаточны, но сюжет обрывается, несостоявшаяся свадьба тоже размыкает круг жизни, привычной, как свадебные приготовления. Внешние по отношению к частной жизни события также показаны как произвол и стихийность человеческой власти. Но романы А. Ганиевой и Г. Яхиной повествуют о разном времени, о разном поколенческом опыте. Человек в большой общенациональной истории у Г. Яхиной приобретает жизнестойкость одновременно с опытом любви. Писательница стремится к целостности образа. Человек с точки зрения со-

временных национальных реалий у А. Ганиевой показан фрагментарно, трагический контекст – неразрешимый конфликт между человеческим счастьем и противоречивостью мира – не проясняется, авторская позиция, говоря словами В. Пустовой, остается открытой по отношению к реальности.

Примечания

- ¹ См.: Щербинина Ю. Довольно слов. Феномен языка современной российской прозы. М., 2017. С. 13–14.
- ² Черняк М. Актуальная словесность XXI века : Приглашение к диалогу. М., 2017. С. 8.
- ³ См.: Гусейнов Ч. К вопросу о «русскости нерусских» // Дружба народов. 2014. № 4. С. 205–225.
- ⁴ Пустовая В. Долгое легкое дыхание (Современный роман в поисках жанра). URL: <http://magazines.russ.ru/zpami/2016/1/dolgoe-legkoe-dyhanie-sovremennyy-roman-v-poiskah-zhanra.html> (дата обращения: 12.04.2018).
- ⁵ Яхина Г. Зулехя открывает глаза. М., 2015. С. 5.
- ⁶ См. персональный сайт А. Ганиевой: <http://www.alisaganieva.com>.
- ⁷ Беляков С. Дагестан времен исламской реформации (Алиса Ганиева. Праздничная гора) // Октябрь. 2013. № 8. С. 178.
- ⁸ Беседа с А. Битовым / беседа вела В. Львова. URL: <http://lvovna-lvova.narod.ru/people9.html> (дата обращения: 12.04.2018).
- ⁹ Интервью с З. Прилепиным. URL: <http://zaharpilepin.ru/ru/prensa/intervyu/vliyanie.html> (дата обращения: 12.04.2018).
- ¹⁰ Алиса Ганиева : важно ставить себе страшные, но захватывающие задачи. URL: <http://litschool.pro/alisa-ganieva-5-voprosov> (дата обращения: 12.04.2018).
- ¹¹ Ганиева А. Общество ищет образцы и модели существования и самопрезентации. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2017/1/obshestvo-ishet-obrazcy-i-modeli-sushestvovaniya-i-samoreprezen.html> (дата обращения: 12.04.2018).
- ¹² Там же.
- ¹³ Ганиева А. Жених и невеста. М., 2015. С. 63.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Султанов К. Репрезентация прошлого как доминирующий фактор самоидентификации в литературе постсоветского периода // Studia Litteraturum. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 310.
- ¹⁶ Ганиева А. Жених и невеста. С. 285.
- ¹⁷ Яхина Г. Указ. соч. С. 285.
- ¹⁸ Там же. С. 88.
- ¹⁹ Султанов К. Указ. соч. С. 308.
- ²⁰ Хабутдинова М. Если взглянуть в глаза Зулехе. URL: <http://kalebtatar.ru/article/2813> (дата обращения: 12.04.2018).
- ²¹ Яхина Г. Указ. соч. С. 504.

Образец для цитирования:

Тугушева Э. Ф. Этнокультурное своеобразие хронотопа в романах Г. Яхиной «Зулехя открывает глаза» и А. Ганиевой «Жених и невеста» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 351–355. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-351-355.

Cite this article as:

Tugusheva E. F. Ethnocultural Peculiarity of Chronotopos in the Novels by G. Yakhina Zuleikha Opens Her Eyes and by A. Ganieva Bride and Groom. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 351–355 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-351-355.